

Рец. на кн.: П. ЛОЗОВЬЮК, А. ПРИГАРИН
И КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ. *ЭТНОЛОГИЯ ОДЕССЫ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ.*

Одесса: Ирбис, 2017. 387 с.

Юлия Валерьевна Бучатская

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
julia.butschatskaja@yahoo.de

Денис Сергеевич Ермолин

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
denis.ermolin@gmail.com

Аннотация: Коллективная монография посвящена этнологии Одессы в самом широком смысле — от этапов формирования отдельных районов города и образа Одессы в беллетристике, прессе и мемуарах до разнообразных аспектов современной городской жизни, таких как функционирование рынков, праздничная культура, виртуальный образ города или быт морячек. Свою основную задачу авторы монографии видят в рассмотрении формирования и этапов эволюции Одессы как многоликого города с акцентами на отдельных сюжетах городской повседневности. По мнению рецензентов, в монографии практически отсутствует анализ городских пространств, несмотря на декларируемую авторами «успешную урбанистическую модель» Одессы. Важно также подчеркнуть, что при имеющемся инсайдерском знании и опыте проживания и переживания Одессы авторы рецензируемой монографии не в полной мере проблематизировали описываемую социальную и культурную реальность и спектр современных проблем, с которыми с разной степенью интенсивности сталкиваются город и его жители, и остались в комфортном плену «одесского» мифа, в некоторой степени воспроизводя его на страницах монографии, вместо того чтобы деконструировать с помощью заявленного инструментария.

Ключевые слова: Одесса, городская антропология, визуальная антропология, городская повседневность, постсоветский город.

Для ссылок: Бучатская Ю., Ермолин Д. Рец. на кн.: П. Лозовьюк, А. Пригарин и коллектив авторов. *Этнология Одессы в исторической и современной перспективах.* Одесса: Ирбис, 2017. 387 с. // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 229–240.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-229-240

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/buchatskaja_ermolin.pdf

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2020, NO. 47

**A Review of P. LOZOVYUK, A. PRIGARIN, A.O., *ETNOLOGIYA ODESSY
V ISTORICHESKOY I SOVREMENNOY PERSPEKTIVAKH*
[THE ETHNOLOGY OF ODESSA FROM HISTORICAL
AND CONTEMPORARY PERSPECTIVES].**

Odessa: Irbis, 2017, 387 pp.

Julia Buchatskaja

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
julia.butschatskaja@yahoo.de

Denis Ermolin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
denis.ermolin@gmail.com

Abstract: The reviewed monograph is devoted to the ethnology of Odessa in the broadest sense — from the stages of the formation of individual districts of the city and the image of Odessa in fiction, the press and memoirs, to various aspects of contemporary urban life, such as the functioning of markets, festive culture, the virtual image of the city, or the everyday life of sailors' wives. The authors of the monograph primarily aim to examine the formation and stages of the evolution of Odessa as a multifaceted city with emphasis on certain subjects of urban everyday life. In the opinion of the reviewers, however, there is practically no analysis of urban spaces in the monograph, in spite of the "successful urbanistic model" of Odessa proposed by the authors. It is also important to emphasize that — with the existing insider

knowledge and experience of living in Odessa — the authors of the monograph under review did not fully problematize the described social and cultural reality and the range of modern problems that the city and its inhabitants face with varying degrees of intensity. They thus remain within the comfortable captivity of the so-called “Odessa” myth and, to some extent, end up reproducing rather than deconstructing it through the theoretical tools and methods at their disposal.

Key words: Odessa, urban anthropology, visual anthropology, urban everyday life, post-Socialist city.

To cite: Buchatskaja J., Ermolin D., ‘A Review of P. Lozovyuk, A. Prigarin, a.o., *Etnologiya Odessy v istoricheskoy i sovremennoy perspektivakh* [The Ethnology of Odessa from Historical and Contemporary Perspectives]. Odessa: Irbis, 2017, 387 pp.’, *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 47, pp. 229–240.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-229-240

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/buchatskaja_ermolin.pdf

Рец. на кн.: **П. Лозовую, А. Пригарин и коллектив авторов. Этнология Одессы в исторической и современной перспективах.** Одесса: Ирбис, 2017. 387 с.

Коллективная монография посвящена этнологии Одессы в самом широком смысле — от этапов формирования отдельных районов города и образа Одессы в беллетристике, прессе и мемуарах до разнообразных аспектов современной городской жизни, таких как функционирование рынков, праздничная культура, виртуальный образ города или быт морячек. Свою основную задачу авторы монографии видят в рассмотрении формирования и этапов эволюции Одессы как многоликого города с акцентами на отдельных сюжетах городской повседневности. По мнению рецензентов, в монографии практически отсутствует анализ городских пространств, несмотря на декларируемую авторами «успешную урбанистическую модель» Одессы. Важно также подчеркнуть, что при имеющемся инсайдерском знании и опыте проживания и переживания Одессы авторы рецензируемой монографии не в полной мере проблематизировали описываемую социальную и культурную реальность и спектр современных проблем, с которыми с разной степенью интенсивности сталкиваются город и его жители, и остались в комфортном плену «одесского» мифа, в некоторой степени воспроизводя его на страницах монографии, вместо того чтобы деконструировать с помощью заявленного инструментария.

Ключевые слова: Одесса, городская антропология, визуальная антропология, городская повседневность, постсоветский город.

Городские исследования в последние двадцать лет приобретают все большую популярность в русскоязычном гуманитарном пространстве, отвечая двум основным тенденциям в культурологических дисциплинах — переносу внимания с архаичных форм культуры на современные и смещению фокуса внимания с деревни на город. Вышедшая в 2017 г. книга одесских коллег-этнографов ожидаемо отвечает этой тенденции.

Представляя эту книгу в Кунсткамере, Александр Пригарин назвал проект «академическим хулиганством». Не сразу было понятно, что имел в виду наш коллега, и нам захотелось разобраться, в чем именно состоит «хулиганство». В том ли, что группа антропологов-одесситов дает свой, более компетентный ответ с позиции профессионалов и инсайдеров на вопросы, задаваемые их родному городу, их Одессе маститыми западными исследователями?

Юлия Валерьевна Бучатская
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
julia.butschatskaja@yahoo.de

Денис Сергеевич Ермолин
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
denis.ermolin@gmail.com

Рецензируемая монография явилась результатом работы по проекту «Трансформации повседневности: устойчивости и разрывы в постсоветском городе», в котором были задействованы сотрудники Одесского национального университета им. И.И. Мечникова во главе с Александром Пригариным и ученый из Западночешского университета Пльзени Петр Лозовюк. Такая комбинация, как декларируют авторы во вводном разделе, позволила получить разносторонний взгляд на город, сочетая преимущества инсайдерского опыта и метода “native anthropology” с западноевропейскими концептуальными работками и «теоретическим диалоговым багажом» (С. 16). Монография состоит из двенадцати очерков, посвященных разным аспектам городской культуры.

Очерк первый, «Одесса в перспективах культур и ретроспекциях исследователей», по сути, является историографическим, в нем авторы (А. Пригарин и П. Лозовюк) дают аналитический обзор ранее опубликованных научных исследований об Одессе, классифицируя их по степени этнографичности / антропологичности фокуса и особенно подчеркивая парадоксальное отсутствие антропологического интереса к Одессе у местных ученых при богатстве, разнообразии и доступности материала для подобных исследований. С этим нельзя не согласиться. Проработанная авторами историографическая база отличается широтой, кажется, они почти никого не обошли вниманием. Однако Одесса представляется настолько привлекательным исследовательским полем, что и после выхода в свет обсуждаемой монографии продолжают появляться новые.

Автор следующего раздела «Протоэтнографическое восприятие одесского пространства» (П. Лозовюк) продолжает и развивает начатые в предыдущем очерке рассуждения об этнографической составляющей текстов и осуществляет типологизацию ранних публикаций, посвященных Одессе, разделяя их на «путевые записки», представляющие интерес как литературный источник, и «протоэтнографические тексты», в которых можно почерпнуть сведения об исторических и этнографических реалиях. Используя такой подход, он рассматривает девятнадцать текстов, относящихся к XIX в. и принадлежащих перу европейских путешественников, военных, журналистов и др. Надо отметить, что это единственный раздел монографии, в котором уделено внимание собственно городу как феномену и объекту социологии и освещены основополагающие тезисы городской социологии — взгляды Георга Зиммеля на город как особое социальное пространство сгущения. При этом автор, основываясь на анализируемых источниках, сделал попытку применить эти тезисы к конкретному объекту — Одессе.

Второй очерк того же автора посвящен «чешским перспективам» образа Одессы рубежа XIX–XX вв. Одной из основных целей, которую преследовал П. Лозовюк, была попытка обрисовать «чешский исторический взгляд на этот примечательный город» (С. 71). На протяжении всего очерка автор дает понять, что чешское присутствие в Одессе на протяжении всей истории города было довольно ограниченным в силу немногочисленности общины. Гораздо шире в очерке представлен материал, посвященный образу Одессы в текстах литераторов, журналистов и путешественников. Однако и в данном разделе, очевидно, из-за дефицита собственно чешского материала, Петр Лозовюк анализирует описания одесского опыта немецких и французских путешественников (С. 90).

Очерк «“Рынок как базар”: этнология торговли современной Одессы» А. Пригарина знакомит читателя с разными аспектами торговли как городской практики. В соответствии с этим построен и сам очерк: в нем дается краткая история возникновения первых знаменитых рынков Одессы; отдельно — история понятия «толчок» в его историческом развитии и привязке к одесским реалиям; через историю экономического развития описываются продавцы — от фигуры торговца до коллективного актора (крупных сообществ и организаций); наконец, анализируются практики сегодняшних рыночных торговцев. Если первый раздел написан на основе существующих публикаций и представляет собой обязательный исторический вводный обзор, то остальные опираются на оригинальные полевые материалы, которые позволяют читателю заглянуть в закрытую повседневность рынка как пространства торговли и увидеть жизнь его действующих лиц, находящихся «по ту сторону» процесса покупки.

Безусловно, книга об Одессе не могла не затронуть вопрос о торговле, которая является, по выражению Пригарина, и одной из «характеристик ее феноменальности», и «градообразующим фактором», и символом (С. 122), и «семиотическим ресурсом» (С. 157). Автор посвящает нас во внутренние скрытые схемы и механизмы организации бизнеса на крупнейшей торговой площадке — «7-м километре», предоставляя редкие материалы, которые могут быть доступны, с одной стороны, только профессионалу-полевику, а с другой — инсайдеру-одесситу, особенно в том, что касается оценок, восприятия и негласной роли «7 км» в качестве экономического индикатора городской жизни. В числе прочего Пригарин обратил внимание на неизбывные иррациональные элементы торговли — современные ритуально-магические практики. Все это составляет крайне интересный материал, который, как кажется, обещает столь же увлекательное рассмотрение. Однако никакого анали-

за, в сущности, не представлено. Автор добросовестно и, как обычно, ярко, с иллюстрациями из одесской повседневной речи, описал процессы, примеры коммуникации, пути трансформации торговых мест и пространств, смены и судьбы их владельцев, но что конкретно его интересовало, какой вопрос он задавал своему материалу, к сожалению, так и осталось неясным. Читательское любопытство и жажда интриги оказываются неудовлетворенными, а между тем остается немало вопросов, которыми хочется задаться.

Так, в начале раздела Пригарин задает рамку преемственности практик и традиций («подчиняясь предыдущему опыту», «новые акторы вынуждены учитывать практику предыдущих торговцев», с. 123), и хочется понять, в чем это проявляется, каковы конкретные практики предыдущих торговцев или других исторических рынков, что из них учитывается, заимствуется, перенимается торговцами 1990-х гг. и нынешними? Одесский рынок «7 км», безусловно, не только бренд города и региона, но и самостоятельное неисчерпаемое поле для антрополога. Его можно рассматривать, во-первых, как феномен глобальных сетей и процессов, а во-вторых, как таковую на постсоциалистическом пространстве. Рынки / базары являются транснациональной связкой для множества географических и социокультурных пространств, это места (культурного) обмена, где социальные, культурные, политические и экономические аспекты повседневности, а также транснациональные связи оказывают влияние на столкновение различных групп — мигрантов, местных жителей, покупателей, торговцев и политических властей [Hüwelmeier 2013: 54]. Как проявляют себя сегодняшние рынки Одессы в таком качестве? Из очерка мы получаем только позитивную картину мультикультурного сосуществования «новых» мигрантов, поздравляющих друг друга с праздниками соответствующих конфессий и синкретично осваивающих во благо успешной торговли инокультурную символику. Однако неясно, есть ли напряжения и конфликты между людьми различного этнического и социального происхождения, разных правовых статусов, подразумевающих разные полномочия и ограничения? Как проявляются конфликты, как и на что влияют, что привносят в динамику торговли и шире — городских процессов в Одессе? В каких случаях возникают конфликты, а в каких — солидарность? Многое остается недосказанным в сложной картине многослойного взаимодействия такого множества людей на обширном и при этом обособленном пространстве. Все вышеперечисленное не находит ответа и заставляет сомневаться в возможности понимать рынки как идиллические места встреч и экономического обмена.

В связи с упомянутой символичностью и знаковостью одесской торговли и самих рынков автор лишь обмолвился о речевой стороне процесса торговли, составляющей «одесский колорит». Как представляется, этот материал был бы интересен для отдельного анализа, причем также в «исторической и современной перспективах». Одесские речевые формулы, риторические обороты из уличной и торговой коммуникации, «особый язык», шутки и афоризмы «как говорят в Одессе» составляют одну из специфик городского сообщества и один из элементов одесского мифа (это вскользь упоминается и в других очерках), но, к сожалению, в книге им почти не уделено внимания.

Очерк Олега Демина «Ипостаси одесского времени» охватывает очень широкий временной диапазон — от основания города до 1970-х гг. В первых строках автор заявляет, что «мало городов имеет такие ярко выраженные особенности локального времени, как Одесса», вновь выделяя изучаемый город из ряда «других», «остальных» и декларируя его исключительность. Исследование одесского времени оказывается очень разнородным описанием самых разных сфер городской жизни и практик, причем автор никак не определяет используемое им понятие времени — в его очерке к «одесскому времени» относится все подряд: и способы исчисления долготы дня, и использовавшиеся в разные периоды истории и в разных социальных группах календари, и иные практики регламентации трудовых и досуговых процессов. В одном ряду с этим автор рассматривает также даты и версии возникновения города, городские праздники, шествия, демонстрации, открытки, городскую топонимику. Очерк не имеет четкой внутренней структуры, что затрудняет следование за основной мыслью при обилии и разнообразии тем и материалов. Вывод автора таков: «Одесское население почти с первых десятилетий существования города жило в разных ипостасях времени, сочетая в течение почти двух столетий особенности функционирования местного и общегосударственного времени. Первое выражалось в тяготении к западно-европейскому образу жизни и восприятии личного интереса в контексте личного времени, второе — в общегражданском регулировании жизненного уклада со значительным сохранением роли сначала церковного календаря, а в XX в. гражданского календаря и вовлеченности в коллективное время» (С. 222).

Конечно, все рассмотренные аспекты городской жизни так или иначе вписаны в течение времени, являются одновременно отражением и этого течения, и восприятия времени, и практик его отсчета, и многого другого, что можно назвать временем хотя бы в метафорическом смысле. Однако не из этого материала и сделанных автором выводов читателю становится понятно,

в чем заключается специфичность времени в Одессе (ведь сочетание общегосударственного и локального, личного и коллективного наблюдается везде). В огромной массе разнородного материала обнаруживается и тот, который, кажется, как раз и наводит на мысль об особенностях одесского времени. В частности, историческая локальная специфика исчисления городского времени в Одессе была связана с иудейским укладом жизни. Как представляется, именно факт массового и активного участия евреев в городской жизни, а значит, необходимость других жителей, торговцев, купцов и т.п. подстраиваться под их календарь, разная цикличность праздничного и выходного времени у разных групп населения отличали обращение со временем в Одессе от других сравнимых городов. Еще одной особенностью видится специфически проживаемая повседневность южного приморского города, где время буквально ощущается физически и наделяется вполне физическими характеристиками («растягивающееся» или, наоборот, «уплотняющееся», летнее и «мертвое, застывшее» время, с. 196): циклическая повседневность, связанная подобно приливам и отливам со сменой торговых и курортных сезонов, притоком и оттоком заезжих людей, изменяющих и преобразующих пространство и время Одессы и активность ее жителей. Короткое, но емкое повествование о карантинном времени, также специфическом опыте Одессы как портового города — опыте проживания «спрессовавшегося» времени (С. 196) в ожидании и изоляции, оказывается актуальным в сходной сегодняшней обстановке. В этом же ряду и еще одна «ипостась одесского времени» — циклическая темпоральность жизни одесских морячек, которым посвящен очерк Галины Стояновой ««Прекрасный образ морской души»: субкультура морячек в Одессе». Она акцентирует внимание на иной дискретности времени в городе-порте, которая связана с неопределенностью временных отрезков, несмотря на, казалось бы, регламентированность городского образа жизни: «[У] морячек есть свой особый счет времени», который «позволяет *приблизительно* высчитать *предполагаемую* встречу, так как у морячков никогда точно ничего нельзя знать» (С. 289; курсив наш. — Ю.Б., Д.Е.).

Объемный очерк Елены Петровой посвящен праздничным практикам одесситов, которые рассматриваются, во-первых, в контексте перехода от социалистической обрядности к пост-социалистической (или становления национальной, как формулирует автор на с. 231), а во-вторых — как процесс и результат конституирования локальной городской идентичности, постоянного поиска и нахождения новых ресурсов для этого («апгрейд маркеров «одесскости», с. 225) в условиях «гиперфестивности». Описав обширный материал, автор приходит

к выводу о существовании «войн памяти» в сфере праздничной идеологии, выражающихся в исключении прошлых (советских) эстетических идеалов и «мобилизации исторической памяти на основе общеукраинской идентичности и маркеров единения» (С. 276).

Поскольку перед нами книга о городе, то интересны прежде всего материалы и выводы, касающиеся специфических для Одессы праздничных форм и практик — Дня города, фестивалей последних лет (Бабель-фест, Утесов-фест, День помидора) и Юморины. Именно в них происходит сгущение смыслов «одесскости», т.к. полноценное участие и адекватный ответ на событие требуют локально-культурной компетентности. В этом контексте Юморина оказывается наиболее символически нагруженным действием: она объединяет и пространство города, и конфигурации шествий, и локальные смыслы, заключенные в вербальных и визуальных высказываниях, и сам феномен «одесского юмора», который многократно тематизируется в книге как одно из проявлений одесского мифа, однако, к сожалению, так и не удостоивается глубокого анализа. Безусловно, в каждом из представленных в очерке примеров видна одесская специфика, продиктованная самим городским пространством (море / порт, набережные / бульвары, наличие флота, вовлечение в празднование пространств и сообществ дворов и т.п.). В этом контексте справедлив вывод автора о том, что в сфере праздничных практик параллельно с замещением советских акцентов национальными происходит изобретение «сугубо одесских праздников». Они становятся ресурсом для продвижения бренда «Одесса» на туристическом рынке, что (в условиях конкуренции городов) вписывается в глобальный процесс генерирования локальной экзотики.

Завершает монографию раздел Ирины Черных и Галины Стояновой «Виртуальный образ Одессы». Авторы начинают с утверждения, что «современное состояние городской среды — это состояние виртуального города» (С. 332–333), и обещают анализ образа городской среды в виртуальном пространстве. Однако дальше описаний отдельных групп в популярных социальных сетях с перечислением их названий и цитированием заголовков не продвигаются.

По сути, очерк представляет собой классификацию существующих в сети тематических объединений людей, связанных с городом. Перечисление множества заковыченных названий, перемежающихся с цитатами, знаками эмоционально окрашенной речи и разным форматированием текста, затрудняет восприятие содержания раздела. К сожалению, приводимые материалы не очень связаны с основными выводами. Читателю так и не уда-

ется проследить, как же происходят «сохранение и передача культурных ценностей и консолидация граждан», в которых «виртуальное коммуникативное пространство играет важную роль» (С. 356).

Непроясненным остается и вопрос, какое воздействие оказывают репрезентации виртуальных сообществ в сети на конкретную социальную активность в самом городском пространстве и как реализуются в нем идеалы и ценности этих сообществ (С. 356). Однако можно полностью согласиться с выводом, что «в виртуальном культурном пространстве <...> продолжает жить своей жизнью прошлое, которого формально уже нет, с его знаковыми персонажами, уникальным одесским фольклором» (С. 356–357). И эти строки возвращают нас к одесскому мифу, который исследователи воспроизводят, вместо того чтобы деконструировать.

Если представить, что город субъектен, то он, «как человек, узнаваем по своей походке» [Berking 2008: 15], имеет *биографию* и *характер*. В заключение обзора нам хотелось бы поразмышлять о некоторых чертах характера города, которому посвящена книга и которые упоминаются во всех очерках.

Уже в первом разделе монографии авторы говорят об отличиях Одессы от других городов Российской империи и современной Украины: «В русскоязычном контексте (и позже — украинском) Одесса воспринималась как особый город, как “город иностранцев”, в котором обычно использовались нерусские (или неукраинские) культурные привычки и формулы, что в некоторых случаях приводило к маркировке Одессы как самого европейского города между русскими городами» (С. 7). «В историческом плане здесь вполне корректен образ украинца, торгового бараниной, выращенной болгаринном или молдаванином. <...> дальнейшая судьба товара, когда тот мог попасть к еврейскому резчику и стать кошерным, а уже за столом его могли употреблять греки-соседи или гости-поляки» (С. 14). И наконец, «в наследии Одессы имеется абсолютно ВСЕ и СРАЗУ» (С. 8). Это создает весьма романтический образ города, собственно миф Одессы, особую ценность в котором для авторов, как и их предшественников XIX в., составляют нерусскость / европейскость, мультикультурность / полиэтничность и развитая урбанность. Эти же характеристики выделяются и в ранних описаниях Одессы иностранными путешественниками, которые анализирует в своих очерках П. Лозовюк.

Итак, Одесса — «европейский», «нерусский», «неукраинский» город. Почему (и кем) это воспринимается как ценность? В записках западных путешественников и авторов ценность европейского понятна, поскольку они смотрели на посещаемые

местности с европейской точки зрения, следовательно, знакомое (европейское) служило для них референтной рамкой, а соответствие своему, привычному выступало масштабной линейкой оценки, особенно применительно к «экзотической» России, которая и поныне воспринимается как «Восток». Получается, что при некритическом взгляде на любых «инородцев», собственном колониальной науке, видеть в их культуре что-то свое — это признание цивилизованности («жители <...> ценящие высокую (европейскую) культуру», с. 66).

Но почему для «наших» наблюдателей европейскость Одессы оказывается высшей оценкой? Что такое европейскость для славянского города (ср. определение Санкт-Петербурга как «окна в Европу», «европейского города»)? С точки зрения российской элиты именно Европа служила референтным образцом, что было связано с происхождением членов правящей династии; из Европы заимствовались образцы как архитектурного оформления пространства, так и социальных норм, усваиваемых и распространявшихся через подражание высшему обществу. В какой мере это дань традиции, связывавшей все «просвещенное» с Европой («похвально называлась “самым европейским” из российских городов», с. 67), а в какой — тактика оспаривания «права» на Одессу (наименее русский, нерусский) в сегодняшнем национальном и политическом контексте, когда Украина стремится стать членом Европейского союза?

Еще один момент — это одесский урбанизм: «развитая урбанность» или «успешная урбанистическая модель» (С. 225). Для всех очерков характерно социальное понимание города: город есть его люди. Во всех очерках внимание исследователей фокусируется на человеческой деятельности. Вместе с тем практически отсутствует фокус на самих городских пространствах, таких как одесские дворы, площади, бульвары и улицы, что, казалось бы, как нельзя лучше могли представить авторы, живущие в Одессе. В очерках критериями успешности и развитости урбанизма оказываются практически зиммелевские категории — свобода, гетерогенность, толерантность, креативность. Для Одессы рефреном звучат выраженные «многообразие и мультикультурность» (С. 15), которые являются продуктом взаимодействия разных традиций в городской среде и приводят к тому, что «“коренной одессит” декларирует себя как особый тип “национальности”» (Там же). Такая ситуация характерна именно для городов, в которых, переплавляясь в повседневных потребностях, этнические и культурные различия уступают место общности и солидарности на основе конкретной городской идентичности. Многообразие и гетерогенность — общая и универсальная черта больших городов, современность которых началась с индустриализацией (собственно, модерность).

Именно в силу своей разнородности и многообразия города оказываются лабораториями для общественных экспериментов. А города-порты, такие как Одесса, и вовсе являются транскокальными коридорами людских и товарных потоков.

Безусловно, социальные новшества имели место и в Одессе, хотя бы в виде многократно описанной исследователями, путешественниками и литераторами свободы, что проявлялось, например, в необычной для российского имперского общества непринужденности нравов и манере свободного общения на улицах [Сквирская, Хэмфри 2007: 90]. Другие правила коммуникации и культурная пестрота населения были, возможно, вызовом в российском обществе XVIII и XIX вв. с его жесткой регламентацией поведения обывателей на улицах. Но почему авторы монографии до сих пор говорят нам об уникальности одесских коммуникативных правил? Не в том ли дело, что, начав строить свое исследование на исторических материалах и зарисовках одесского мифа, они так и остались в плену этого мифа, оставляя в стороне его критический анализ? Обобщая портрет изучаемого города, авторы монографии делают особый акцент и на космополитизме Одессы, еще одном компоненте одесского мифа, подчеркивая отсутствие этнических различий как результат сложившихся практик: «Утрата этничности в городской среде является не результатом необразованности носителя, а его сознательным компромиссом ради будущего. Будят “национальное сознание” лишь внешние механические действия, нарушая уже сложившиеся социальные практики» (С. 15). Однако изложенный в очерках сегодняшний одесский материал показывает как раз обратное: в череде городских праздников особо выделяются национальные. Они могут быть поняты как продолжение советской дружбы народов или космополитического дискурса (мифа) Одессы, но по сути в них конструируется *разная* этническая культура народов Одессы и региона, а значит, они являются инструментом актуализации и поддержания различий, а не сближения на основе общегородской культуры.

Опубликованные в монографии материалы еще раз свидетельствуют, что Одесса немыслима без политики: она была и остается пространством борьбы за «свою» Одессу — и в Российской империи, и в современной Украине. Исследование Пригарина и его соавторов начисто лишено этого ракурса, отчего картина оказывается позитивно плоской, не многогранной, но вместе с тем наводит на определенные мысли. Очевидно, что в условиях болезненного национального утверждения независимой Украины и войн памяти в городе с такой сложной историей исследователю было бы невозможно остаться вне эмоционального накала и не пострадать от противоборствующих полити-

ческих сил. Вероятно, это и есть одна из причин, по которым не сложилось собственной одесской корпорации городских антропологов, подобной западным. Ровные, непроблематизированные описания с «ретроспекциями» контрастируют с исключительной пронизательностью и владением неоднозначной ситуацией в городской политике самого Пригарина и его коллег. Возможно, именно поэтому Александр Пригарин и назвал эту работу «академическим хулиганством».

Библиография

- Сквирская В., Хэмфри К. Одесса: «скользящий» город и ускользящий космополитизм // Вестник Евразии. 2007. № 1 (35). С. 88–117.
- Berking H. “Städte lassen sich an ihrem Gang erkennen, wie Menschen” — Skizzen zur Erforschung der Stadt und der Städte // Berking H., Löw M. (Hg.). Die Eigenlogik der Städte: Neue Wege für die Stadtforschung. Frankfurt/Main: Campus, 2008. S. 15–31.
- Hüwelmeier G. Postsocialist Bazaars: Diversity, Solidarity, and Conflict in the Marketplace // Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2013. Vol. 5. No. 1: The Social Lives of Postsocialism. P. 52–72.

Юлия Бучатская, Денис Ермолин

**A Review of P. Lozovyuk, A. Prigarin, a.o.,
Etnologiya Odessy v istoricheskoy i sovremennoy perspektivakh
 [The Ethnology of Odessa from Historical
 and Contemporary Perspectives]. Odessa: Irbis, 2017, 387 pp.**

Julia Buchatskaja

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
 Russian Academy of Sciences
 3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
 julia.butschatskaja@yahoo.de

Denis Ermolin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
 Russian Academy of Sciences
 3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
 denis.ermolin@gmail.com

The reviewed monograph is devoted to the ethnology of Odessa in the broadest sense — from the stages of the formation of individual districts of the city and the image of Odessa in fiction, the press and

memoirs, to various aspects of contemporary urban life, such as the functioning of markets, festive culture, the virtual image of the city, or the everyday life of sailors' wives. The authors of the monograph primarily aim to examine the formation and stages of the evolution of Odessa as a multifaceted city with emphasis on certain subjects of urban everyday life. In the opinion of the reviewers, however, there is practically no analysis of urban spaces in the monograph, in spite of the "successful urbanistic model" of Odessa proposed by the authors. It is also important to emphasize that — with the existing insider knowledge and experience of living in Odessa — the authors of the monograph under review did not fully problematize the described social and cultural reality and the range of modern problems that the city and its inhabitants face with varying degrees of intensity. They thus remain within the comfortable captivity of the so-called "Odessa" myth and, to some extent, end up reproducing rather than deconstructing it through the theoretical tools and methods at their disposal.

Keywords: Odessa, urban anthropology, visual anthropology, urban everyday life, post-Socialist city.

References

- Berking H., "Städte lassen sich an ihrem Gang erkennen, wie Menschen" — Skizzen zur Erforschung der Stadt und der Städte', Berking H., Löw M. (Hg.), *Die Eigenlogik der Städte: Neue Wege für die Stadtforschung*, Frankfurt/Main: Campus, 2008, SS. 15–31.
- Hüwelmeier G., 'Postsocialist Bazaars: Diversity, Solidarity, and Conflict in the Marketplace', *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2013, vol. 5, no. 1: *The Social Lives of Postsocialism*, pp. 52–72.
- Skvirskaja V., Humphrey C., 'Odessa: "skolzkiy" gorod i uskolzayushchiy kosmopolitizm' [Odessa: A "Tricky" City and Elusive Cosmopolitism], *Vestnik Evrazii*, 2007, no. 1 (35), pp. 88–117. (In Russian).